

Александр Карпенко

В Е Т Е Р Р А Н

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СТЕКЛОГРАФ»
МОСКВА, 2019

УДК
ББК
К26

Карпенко Александр
К26 Ветер ран. – М.: Стеклограф, 2019. – 154 с.

ISBN

© А. Карпенко, 2019
© «Стеклограф», 2019

В Е Т Е Р
А
Н

Валерию Горбачёву

Ветер мало печётся о ранах.
Лишь стаккато бутылки в стаканах,
Да застенчивый чайник осипший –
Словно соло живых о погибших...

Захлебнутся рыбацкие лунки
Непрозрачную горечью рюмки.
Перекусит волна океанов
Всю перкуссию гулких стаканов!

Так неужто и вправду мы в силах
Вновь вернуть к нам товарищей милых –
И призвать, как волшебную строчку,
Тех, чьей жизнью живём мы в рассрочку?

Тонкий мир между ними и нами
Станет тоньше, отпетый ветрами,
И взлетят голосащие очи
По наточенным лезвиям ночи,

И замрёт, окликаясь на имя,
Эхо встречи меж нами и ними.

* * *

Вчера не умирает никогда:
Оно струится
в телефонных жилах,
Оно ушло,
но странно живо,
На льду пропавшем
таяя вода...
Вчера не умирает
никогда!

Оно течёт
строкой стихотворенья,
Игрушка быстрокрылого забвенья;
И, скованная
панцирем вода,
Оно не может
не поспеть за нами —
И меряет грядущее шагами.
Вчера
не умирает никогда!

Оно струится
белыми ночами
среди островков
Забвенья и печали;
Оно течёт, не ведая куда —
И старый мир
пускается в движение,
От самого себя
ища спасенье, —
Вчера
не умирает никогда.

Оно меняет лики и названья,
Очистившись
от лет напластованья;
Оно зовёт нас флейтой и трубой;
Казалось бы,
оно совсем не дышит –
Но никогда никто нигде не слышал,
Чтобы Вчера
покончило с собой.

Оно бессмертно, как бессмертны дни;
Оно беззвучно, как беззвучны ночи:
Так, вечное движенье
обесточив,
Там, в небесах,
Господь зажжёт огни.
И, пусть проходят
судьбы и года,
Вчера
не умирает никогда!

СТИХИ ОБ ОРДЕНСКОЙ КНИЖКЕ

От шального дождя
Уголка не найдя,
Я в подъезд многолюдный забился.
Он как будто знаком...
Да ведь это ж «Ленком»!
Тыщу лет я здесь не был — лечился...

Захотелось попасть
На спектакль, просто страсть,
Только очередь встала стеною,
Театральный народ
Не пускает вперед...
Как же быть? Тут я вспомнил: со мною

Книжка есть. И она
Мне не даром дана —
В переделках заслужена лютых.
Оправданье моё.
И, признаюсь, её
В первый раз показал я на людях.

Оглянулся — и вдруг
Стало тихо вокруг,
Что-то дрогнуло в медленных лицах,
И безусый нахал,
Что меня не пускал,
Был сквозь землю готов провалиться.

С высоты наших дней
Мне вдруг стало видней,
Отчего тот пацан обернулся.

Среди пира утех
Я был голосом тех,
Кто с кровавых полей не вернулся.

И, уткнувшись лицом
В свою память — бойцом —
Вспомнил тех, кто куплет не допели.
Не вернутся их дни!
То не я, то... они
На спектакль мой попасть захотели!

И нежданно вдова,
Подбирая слова,
Из кармана вдруг вынув платочек,
Обронила слезу,
Как дождинку в грозу,
И сказала мне нежно: «Сыночек!»

И полковник — седой,
Запорошен войной,
Посмотрел на меня как на ровню:
Снова встретился он
С обагрившей картон
И запекшейся в корочках кровью...

Он сказал мне: браток,
Погоди-ка чуток,
Не волнуйся — найдутся билеты!
И как будто бы враз
Породнившихся нас
Боевая свела эстафета.

* * *

Мы на земле людей живём бессрочно,
И врут про нас, что гибнем на войне...
Когда-нибудь потомок мой заочно
Пройдёт путём, который выпал мне.

И образ предка зримо отзовётся
Их глубины давно утекших вод,
И цепь времён вовеки не порвётся,
Пока твой дух, Россия, в нас живёт!

* * *

Кольцо утрат сжимается всё туже,
Солёной болью подлю бьёт под дых.
Я не уверен, что ушедшим — хуже,
Как мы бы ни оплакивали их.
Я не уверен, что живущим легче —
Брать на душу терзания и грех.
Иных уж нет, а те — уже далече...
И — только вечность уравнивает всех.

Господь не забирает без причины:
У Господа на всё есть свой резон,
И плачут, словно мальчики, мужчины,
Пусть не по ним сегодня стынет звон.
Не лицедеи, не лгуны, не вралы,
Не те, кого прельщают миражи...
Они сегодня друга потеряли —
А вместе с ним — и часть своей души.

Так что ж мы ропщем? Что ж мы всё канючим?
Ведь наши дни давно наперечёт!
Не сомневайтесь — мы своё получим,
Как только подкрадётся наш черёд.
И сам Господь придёт по наши души —
И примет нас, свободных и нагих.
Нет, я не верю, что ушедшим — хуже.
Любите... остающихся в живых!

Д О Б Л Е С Т Ь

Примеряя опасность к лицу
И былинным грезя булатом,
Как завидовал я отцу,
Воевавшему в сорок пятом!

Ведь считалось, что наш удел—
Постигать жизни смысл, учиться,
А для воинских, ратных дел
Я чуть-чуть опоздал родиться...

Но как только афганский след
В нашей жизни взорвался грозно,
Вспомнил я, как твердил мне дед:
«Славно жить никогда не поздно!»

И, когда я пришёл с войны,
Смог отцу я сказать, не горбясь:
«Мы такие же, как и вы,
Нас в веках уравнила доблесть!»

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Слышите, опять поднялся ветер,
Где-то с вышины донёсся гул.
Есть машина времени на свете!
Это – самолёт Москва-Кабул.

Время подустало в бурном беге,
Прилегло, чтоб новый взять разбег.
Я взлетел в родном, двадцатом веке,
Грохнулся – в четырнадцатый век.

Время, ты не вовремя уснуло:
Встал на друга друг, на брата – брат.
Женщина проходит по Кабулу,
На груди сжимая автомат.

И она ни в чём не виновата –
Только сердце дрогнуло моё:
Я представил – вместо автомата
На груди – ребёнок у неё!

Матерь Божья, нам звереть негоже,
Только что поделаешь – в борьбе
Защищайся, дева, если сможешь...
Человека не убий в себе!

И стрельба, что оглушала уши,
В прошлое навеки отойдёт.
Возродятся города и души –
Времени другой пойдёт отсчёт.

П Е Р В Ы Й Б О Й

Вдали блеснул рассвет, кроваво-жуток,
Запахло в знойном воздухе войной.
Сегодня в первый раз мне не до шуток:
Сегодня в первый раз иду я в бой.

И стало очень трудно не бояться,
И стало очень трудно не дрожать.
А ведь, казалось, это просто, братцы,
Не струсить, не поддаться, не бежать.

Заела вдруг рука под автоматом,
Заклинило дыханье, сбило пульс —
И вот теперь приходится, ребята,
Доказывать себе, что ты не трус!

Как быть? Откуда взять мне силы?
Внезапно предо мной забрезжил свет.
Подумал я о тех сынах России,
Которые погибли в цвете лет.

И всё, что с ребятишками случилось,
Неистово во мне отозвалось,
И сердце так отчаянно забилось —
Вскипели в нём и боль, и гнев, и злость.

Рванулся я, как будто призрак, бледный,
Прожжённый на горячих тех ветрах,
В свой первый бой — как будто в бой последний,
Превозмогая живший в сердце страх.

Н О Ч Ь В К А Б У Л Е

Чудесен вечерний пейзаж:
Вдали расстилаются горы,
Светила небесного вора,
И месяц, таинственный страж,
На складках рисует узоры.

Ликует восторженный глаз:
Деревья, что дремлют в долине,
Утёсов седых исполины
И скрытые снегом вершины
Приветствует глаз-скалолаз.

В звезду обратилась планета
Природы волшебной рукой;
А там, вдалеке, за рекой,
Деревья нашли свой покой,
Устав от восточного света.

Закрыв, открываю глаза я.
Нет, нет, предо мной не мираж!
Лучей вереница косая
Вползает в глаза, ускользя.
Величествен горный пейзаж!

В ГОРАХ АФГАНИСТАНА

Горы молчат.
Словно рыбы в воде, молчат.
Только в висках
Мысли бешеной дробью стучат.
Где-то в горах,
Знаю я, затаился враг.
Знаю, что он,
Словно раба в воде, в горах.
Глаз не сомкнёт
Наш тревожный ночной дозор.
Долго ли нам
Ждать погоды у этих гор?

Горы молчат.
Только время не смеет молчать.
Надо решать —
Что-то делать и что-то решать.
Вооружён
Я желанием жить до зубов.
Ох, не сносить
Тем горам за молчанье голов!
Горы молчат —
Только ветер бушует степной.
Горы молчат,
Потому что согласны со мной!

Б Т Р

Как давно мы отдыхали!
В этой дальней стороне
Сотни вёрст мы отмахали
Под бронёй и на броне.

Пусть то мёрзну я, то парюсь,
Но машина — просто зверь.
Он, конечно, не «Икарус»,
Мой гранёный БТР.

В пробензиненном салоне
Не такой уж и комфорт:
То поднимет, то наклонит,
То швырнёт тебя на борт.

Но крепка нужна защита,
Коль свинец заморосит...
«В тесноте — да не в обиде» —
Так пословица гласит.

И, пускай жара крепчает,
И дыханье горячо,
Но удары облегчает
Друга верное плечо.

Мы в таких бывали грозах!
Попадали в круговерть —
Только дом наш на колёсах
Всё стоит, отринув смерть!

...

И когда-то после, встретясь
Средь соратников-друзей,
Мы покажем нашу крепость
Молодым — как дом-музей.

А не сможем воротиться —
Им расскажут о войне,
Как живые очевидцы,
Кольца вмятин на бойницах
И морщины на броне.

* * *

Мы служили в горах не за страх,
Не искали на власть притязаний,
И, как выжить в афганских горах,
Нам никто не давал указаний.

Мы сказали «Молчите!» горам,
Задержались у их основания —
И была наша помощь друзьям,
Как поддержка в фигурном катании.

Но ледовый закончился бал —
И, уставшие в вихре кружения,
Мы поднимем заздравный бокал —
За спокойствие и примирение.

А за светлую, тихую грусть,
И за скорбь, что из пламени родом,
Ты прости нас, великая Русь!
Мы чисты перед нашим народом!

* * *

Помнишь ночь под Гератом, мой, друг?
Плыли звёзды чужие вокруг,
И слова долетали сквозь ветер:
«Умирать нам совсем недосуг,
Ждут нас руки далёких подруг
И ещё не рождённые дети...»

Пыль ползла по морщинам лица,
По тяжёлым доспехам бойца,
Мир казался огромным и тленным.
Каждый шёл по пути до конца —
И, приняв свою долю свинца,
Разошлись мы по разным вселенным.

Нам теперь всё трудней пировать,
Но не следует стулья ломать —
И, пусть наши ряды поредели,
Мы смогли, мы успели понять,
Что труднее, чем вдруг умирать,
Жить — на самом последнем пределе!

Мы запомним на все времена
Всё, что в нас проложила война,
И не выплатят дань ордена,
И не хватит всем звёзд на могилы, —
И, конечно, не наша вина,
Что нам хочется снова сполна
Зачерпнуть эту чашу до дна,
Пробудив её горькие силы.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ БОЙЦА

Тише, тише, небо звёздное – ветхая крыша;
Тихо трассеры прошуршат
Выше, выше – в твердокаменной нише
Я не слышу, о чём говорят
С ветром души...
Шёпот глуше,
Барабан за моей спиной –
Грому снятся военные марши –
Станет мир на мгновение старше,
Тёмной ночью, простившись со мной.

ПО Г Р А Н И Ч Н А Я К О Л О Н Н А

Мы глаза в эту ночь не сомкнём,
Будем двигаться без промедлений.
Третьи сутки трясёмся с зерном
Для голодных афганских селений.

Пусть дороги в горах непрямы,
Довезти надо каждую крошку:
Это – жизнь, и обязаны мы
Ради хлеба разбиться в лепёшку.

Сколько грома и молний таят
Те Памирские горные склоны!
И не счесть ахиллесовых пят
У обутой в резину колонны.

Начеку мы. Опасность везде
Может выбить движение из ритма.
Снова очередь – там, в темноте –
Полоснула по склону, как бритва.

«Дай гранату! Скорей же, браток!»
Но рука достаёт из кармана
Письмецо, что отправить не смог.
Ты о чём сейчас думаешь, мама?

* * *

Были битвы за хлеб,
сражения мирные;
собирали зерно
и пекли каравай.
Я иду по земле,
засеянной минами —
и не в силах смотреть
на её урожай.

Опустела земля,
и жизнь обеззвучела;
кровенеет закат
в очертаньях вершин,
и встают над землёй
палёные чучела
подорвавшихся здесь
и сгоревших машин.

Сколько ждёт нас дорог,
тропинок нехоженных,
нас проверить спеша,
наши судьбы верша...
К чутким бдениям в тиши
на нервах стреноженных,
к испытанию огнём
ты готова, душа?

* * *

Красный конь по стремнине пройдёт,
Кувьркнётся на горных просторах —
И дряхлеющий мир обоймёт
Светозарный и радостный сполох.

И по контурам тёмным земли
Пронесётся как вихрь, загрохочет —
И воронкой проснётся вдали
Кутерьма этой пламенной ночи.

* * *

Я служу на далёкой границе,
Вижу мир в телескопах бойниц,
Только сердце к любимой стремится,
Только сердце не знает границ.

И, полуденным солнцем палимый,
Представляю я, точно в бреду,
Как вернусь я — живой, невредимый —
И к тебе, милосердной, приду.

Мы присядем с тобой на дорогу,
Вспыхнут звёзды над тихой страной —
И уляжется в сердце тревога
По тебе, долгожданной, родной.

И замрёт даже месяц на страже,
И к руке прикоснётся рука;
Я поведаю то, что не скажешь
В мимолётном письме. А пока

Я служу на далёкой границе:
Тишина, иностранная речь...
Только пыль над дорогой клубится
И столбом зависает, как смерч.

Взбухли губы, измучены жаждой,
От жарищи трещит голова,
Но зачтётся нам прожитый каждый
День на этой границе — за два.

У К О С Т Р А

Здесь обманчивых дней мудреней вечера:
Все душманы* попрятались в норы.
Мы с афганским комбатом сидим у костра
И неспешно ведём разговоры.

Вот и горы надели вечерний наряд,
Солнце больше не жжёт и не сушит –
Только всплески огня и потери ребят
Обжигают нам яростно души...

«Погоди, тарджоман**», – говорит мне комбат, –
Бередить эту рану не надо.
Где-то там, у душманов, воюет мой брат.
Завтра встречу я, может быть, брата.

Чует сердце, он в эти подался края...
Он, конечно, не прав, только всё же...
Не прощу себе я, если пуля моя
Эту жалкую жизнь уничтожит».

Он сорвался на крик – и внезапно умолк,
Но молчание тут же прервалось:
Кто-то выл вдалеке, как затравленный волк.
Ну а может быть, мне показалось...

Это волчьи законы и волчья родня,
Если брат ополчился на брата!
Разгорался костёр – и подумал вдруг я,
Что война не во всём виновата.

~~~~~
* враг (фарси).

** переводчик (фарси).

С Н Ы

Я прожил год в пожарищах войны,
И в стреляном кочевье, в непогоду,
Меня всё чаще посещают сны –
Мне снятся наши прежние походы.

И мчишься от непрошенных зеркал –
Но и во сне не дышится спокойней,
Как будто мир смеяться перестал –
И на века – кровавый запах бойни.

Так хочется вернуться поскорей,
Но в письмах не ищите отраженья –
Мы бережём дыханье матерей
И правду припасли для возвращения.

И небеса простят нам этот грех
В тот миг, года увидит мама сына,
И правда – востроносая – на всех
Обрушится, как поздняя святыня...

Как звали друга павшего во сне,
В бреду орали: «Боже, дай нам силы!»
Я вытянул антенну на броне,
Чтоб сны мои вещали на Россию!

ОБЛАЧНЫЙ ФРОНТ

Мы искали свой путь среди скал,
Мы на дух свой накликали фронду.
Но Верховный не зря отозвал
Облака с атмосферного фронта.

Мы противника брали на понт.
Мы его не считали за ровню.
И рассеялся облачный фронт.
И окрасились пастбища кровью.

А наметилась распря – не ной.
Ты, быть может, герой, а не зритель.
Берегись. Если вдруг за спиной
Зазевался твой ангел-хранитель!

...И опять мы их брали на понт,
Стрелы молний в пучину метали.
Но иссяк атмосферный наш фронт –
И разверзлись пустынные дали.

Хлынул ливень, неожиданный, как дар.
Град ударил по выбитым стёклам.
Нет, не зря выпускали мы пар,
Примирая холодное с тёплым.

С Н Е Ж Н Ы Й   Ч Е Л О В Е К

Где в воздухе витает влажный пух,
Средь мрачных гор и млечного тумана,
Идёт он — и захватывает дух
От поступи могучей великана.

И дольше жизни протекает путь;
Над головой — теперь иные звёзды,
И нету времени передохнуть,
Остановиться, не боясь замёрзнуть...

И человек идёт. И он устал.
Уже вокруг не камни — обелиски:
Средь бороздящих небо белых скал
Развеян прах его друзей и близких.

И осознать не в силах человек,
Что мир на павших и живых расколот.
Дымится под ногами белый снег.
Но человек не ощущает холод.

Н О Ч Л Е Г В Г О Р А Х

В поднебесье мой кров,
Где под шапками льдов—
Лица судеб
бездонных
безвестных,
Где в долине костров
Среди диких цветов
Распускаются
чёрные бездны.

Тяжелеет сума;
У подножья холма
Тают медленно
медные лица
И растёт высота,
А над тенью шеста
Поздно мечутся
пленные птицы.

* * *

У перевала, что ведёт
к Гардезу,
Когда уж
близок был привал,
Вдруг подорвался
и запылял,
Сквозь дымовую
ринувшись завесу,
Мой «бэтээр». Погибла тьма
народу —
И те, кто был
живее остальных,
Солдат горящих
стаскивали в воду —
И принимались
за других.

НАПРАСНЫЙ АНГЕЛ
ЛЕТ ВОЙНЫ

Такая участь у России,
Текущий в вечности момент:
Сюда приходят лже-мессии,
Чтоб развязать эксперимент.

Колдуют судьбами народа,
Пускают пыль ему в глаза —
И бездна времени уходит,
Чтоб развенчать их «чудеса».

Давно отхлынули метели,
Но люди так и не прозрели
Твой лик небесной глубины,
Напрасный ангел лет войны.

* * *

Если я не вернусь,
В красновзвёздной умолкнув печали,
Никогда не пройдушь
По щекочущей пятки росе,
Ты подумай о том,
Чтобы песни повсюду звучали –
В свой родительский дом
Сыновья возвращаются все!

И в квартире моей,
Где оставил я северный полюс,
Где не стало дверей
И обрушился вниз потолок,
Зазвонит телефон –
И почудится маме мой голос,
И, дрейфуя сквозь сон,
Прокричит она: «Здравствуй, сынок!»

Я, конечно вернусь –
Ведь не зря у нас нет того света.
На себя подивлюсь,
Что предался на миг забытию.
И залает вдруг пёс,
И заходят по полкам предметы,
Сновиденьями грёз
Странно жизнь продолжая мою.

* * *

Инфантильные баловни века,
На родительском тёплом крыле,
Под привольной домашней опекой —
Много ль видели мы на земле?

Но, солдаты переднего края,
Здесь, в щетинистых, диких горах,
Не по дням — по минутам мужая,
Мы растём у себя на глазах.

И созреют для подвигов силы,
Возмужанья наступит пора —
Мы вернёмся на землю России
Не такими, как были вчера.

И, пробитое пулями знамя
Передав новобранцам полка,
Вспомним тех, кого нет уже с нами.
Это будет. Потом. А пока,

Озабоченный властной тревогой,
Под пронзительным взглядом вершим,
Я иду незнакомой дорогой,
Начинённой ловушками мин.

Д О М О Й С В О Й Н Ы

Из земли, изувеченной
язвами мин,
Изможденные, злые как
черти,
Ветераны боев
возвращаются в мир
На правах победителей
смерти.

И не скажут вам метрики,
сколько нам лет:
Так случилось –
на высях сожженных
Прикоснулись мы к вечному
миру, где нет
Победителей и побежденных.

Вот поднялся наш лайнер,
мы вышли в зенит,
Жизнь и смерть – мы
раздвинули грани!
Только на север, на север
летит,
А душа остается в Афгане.

И, преследуя солнце,
мы рвемся домой, –
К нашим семьям, по нам
тосковавшим, –
А над выжженной солнцем
афганской землей
Наши души вселяются
в павших.

П Р О Щ А Н И Е

Этих сумрачных гор
Твердь
Нам пророчит не жизнь —
Смерть,
И последний свой стих
Вслух
Мне сказать не успеть...
И задавлен под дых
Дух:
Мне не вымолвить стих
Вслух.
И как будто земля —
Пух,
Но спокоен мой друг.

И чему-то не сбыться,
Но не стоит казниться:
Как свободные птицы,
Мы уйдём в небеса —
Лишь состарит кого-то
Почерневшее фото,
Да иные природа
Нам раздаст голоса.

Грудь сжимается: так —
Тик,
Словно загнанный в такт
Крик.
Продолжается век
Миг,
Человеческий век.
И стучит по броне
Град,
Только верится мне,
Брат,
Будем жить мы не миг —
Век!
Ты, пожалуйста, верь!

ПРОЩАНИЕ С НЕЗНАКОМКОЙ

«Когда же смерть явила свой оскал,
Он сразу понял – Незнакомка».

Игорь Северянин о Блоке

Холодной осенью кабульской,
В безмолвной, выжженной пустыне,
Я поднимался змейкой узкою
К чернеющей вдали вершине.

И растревожен тишью звонкою,
И пробираем мелкой дрожью,
Вдруг поравнялся с незнакомкою,
Скользящей медленно к подножью.

И молодая, и старинная,
Звезда немого кинозала,
Как героиня героинная,
Она манила и пугала.

Вся в чёрном, бархатно-смородинна,
Каблук на тоненькой подкладке,
Да над щекою бледной – родинка;
Мундштук и белые перчатки.

И очи синие бездонные
Манили в снежные объятья,
И чьи-то лики измождённые
Дымились на узорах платья.

Я отшатнулся, взгляд не выдержав.
Луч ледяной мне сердце выжег:
Среди портретов – тусклых, выцветших –
Узнал я двух своих братишек.

Я ранен был в то утро раннее,
Но встреча не была игрою:
Она во мне искала равного,
Она звала меня с собою.

Но я отстал. Устал безмерно я.
Раздался голос автомата—
И шляпа с траурными перьями
Упала на венок заката.

АНГЕЛ СМЕРТИ

«Есть Ангел смерти; в грозный час
Последних мук и расставань
Он кренко обнимает нас».

Лермонтов

Слышишь, братишка, с земли не подняться мне вновь:
Серые скалы окрест залила моя кровь.
Ангел смерти меня унесёт на крылах—
И растает в седых облаках.
Видишь, пилот, солнце встаёт,
Реют Икар и Дедал.
Только без нот кто допоёт
Мой недопетый хорал?

Мой проводник к новоселью подскажет мне путь.
После бессонных ночей попытаюсь уснуть.
Изголовьем мне станет серебряный шар,
И уже не приснится кошмар...
Знаю, не врёт звёздный народ:
Смерть— не последний финал!
Только без нот кто допоёт
Мой недопетый хорал?

БАЛЛАДА О ЖИВОЙ
И МЁРТВОЙ ВОДЕ

Я искал вокруг следы
Мёртвой и живой воды,
Чтобы песней оживить
Мысли стёртые,
Но под натиском земли
В подземелье утекли,
Схоронились глубоко
Воды мёртвые.

И спросил я у пруда,
Где живая спит вода,
И ответа на вопрос
Ждал дотошно я...
И ответил сонный пруд:
«Здесь такие не живут.
Это, братец мой, скорей,
Наше прошлое!»

Под ковром седой листвы
Мы ни живы, ни мертвы.
Опустылена всем нам
Жизнь стоячая!
Только где-то у людей
Бьётся в жилах всё сильнее
Смесь живых и мёртвых вод —
Кровь горячая...»

* * *

Мне шептала боль: молчи!
Тяжело молчать — кричи!
Не пугаются грачи
Скал и моря.
Я кричал, что было сил —
И в наследство получил
Ум — от горя.

Только жил во мне запал,
И остался я у скал,
И судьбу свою искал,
Может, с час я.
И во впадины нырял —
И в два счёта потерял
Ум — от счастья.

* * *

Нам Господь раздаёт лишь посильные ноши,
Чтобы тот, кто сильнее, не валял дурака.
Потому ли мы все на других не похожи,
Что не равен у всех этот вес рюкзака?

* * *

Я к фляге жадно припадал,
Я грыз кирпич ржаного хлеба,
А ветер штопал и латал
Разорванное в клочья небо.

И стаи мыслей – косяком –
Меня сносили вниз, к дороге:
Там человек лежал ничком
И холодел на солнцепёке.

И, странно погружённый в слух,
Среди песчаной круговерти,
Я различал дыханье мух –
Жужжащий запах близкой смерти.

П О Э Т И Х И Р У Р Г

Мажорно скребли инструменты,
И, на руки страшно легки,
Хирург с молодым ассистентом
Играли в четыре руки.

Мелькала иголка в полёте —
И опытный, знающий муж,
Целитель растерзанной плоти
Спасал врачевателя душ.

Поэзия, страстна и стильна,
Строкой наводящая дрожь,
Порой совершенно бессильна
В том царстве, где властвует нож.

В том царстве — иные законы,
Тот мир кровожаден и груб;
Там тяжкие слышатся стоны
В пожаре пылающих губ.

Но, смелых идей выразитель,
В мир света хирург нас ведёт.
Мой гений, мой ангел-спаситель,
Вам тоже подвластен полёт!

И может, насытившись прозой
Иголки, ножа и руки,
Вы будете бредить наркозом
Моей стихотворной строки!

В Т О Р О Е   Р О Ж Д Е Н И Е

...Шло время – и стрелки дрожали:
Минуты решали спасенье!
Но странно, как дни не совпали:
В субботу твоё воскресенье!

И мщенье поруганной воли,
Как верно заметил Набоков,
И смерть, и рожденье – всего лишь
Причуды смешливого бога.

Равна траектория пули
Полётному вымыслу чаек,
Как будто тебе намекнули,
Что в мире ты
Не случаен.

* * *

Вот и все. Мучусь, корчусь от боли,
Весь в бинтах
на постели сырой.
Я наехал
на минное поле — и погиб...
Может быть, как герой.

Вот и всё. Как нелено всё вышло...
Где-то в воздухе
кружится гриф.
Только стоп. Быть не может! Я
мыслю —
Это значит, что я ещё жив!

Жизнь... опять начинать всё сначала,
Даже если семь пядей во лбу,
Так непросто... Но сердце
сказало:
Я настрою себя на борьбу!

Я лежу перед жёлтой стеною,
Боль отведав и горечь вкусив.
Жизнь
натянутой туго струною
Проверяет сердца на разрыв.

Не бросай меня, жизнь!
Я не струшу.
Часто всё отнимает беда.
Только душу, бессмертную
душу
Не разрушит
никто
никогда.

В Б О Л Ь Н И Ц Е

Мне весело и грустно:
Зима идёт, зима,
И снег ложится грузно
На грустные дома.

И вьюга сыплет, крошит,
Пронзает небеса,
И белую порошей
Туманит мне глаза.

И снег ложится грузно
На падшую листву.
Мне весело и грустно,
Как будто
я живу.

* * *

С сочувствием подумаешь о теле:
В нём жизнь и смерть дерутся на дуэли!
И бросишься их страстно разнимать.
Но как разъединишь отца и мать?

Ф У Г А Д Л Я Н Е С О Б Р А Н Н Ы Х
О С К О Л К О В А В Т О П О Р Т Р Е Т А

Бой, сраженья, кровь и раны –
Всё сплошные мелодрамы!
Славно выдумал, старик!
Ничего ведь не случилось –
Только зеркальце разбилось,
Отраженье раскрошилось,
Что скрывало прежний лик.

Пушки выбили оправу...
Не печалься, Боже правый!
Напиши мне письмецо.
Попытайся из осколков,
Словно мысль из недомолвков,
Воссоздать моё лицо!

Поезд мчит во тьме кромешной,
Но опять в тиши прибрежной,
Словно межи в борозде,
Чьи-то пламенные лица,
С жаждой перевоплотиться,
Отражаются в воде.

* * *

Что случилось той осенью, помните?
Прокатилась по небу звезда.
Я оставил войну в своей комнате —
И ушёл от неё навсегда.

Убедился, что окна зашторены
И что дверь на надёжном замке —
И дорогой, никем не проторенной,
Я ушёл — как всегда, налегке.

А вослед мне грозили лечебницей,
Разводили вокруг клевету,
Что связался я с чёрной волшебницей —
И забыл навсегда красоту.

Что вы, нищие, знаете, помните?
Вам не выхлебать чашу до дна.
Да, я запер войну в своей комнате —
Чтобы к людям не вышла она!

СОЛНЦЕ В ОСКОЛКАХ

Ты откуда пришла, синева?
Распростёрла горячие крылья,
И в щемящем до боли усилье
Закружилась моя голова.

Ты поведай мне боль, синева!
Ты — как будто усопшая память,
Что от века кружится над нами —
И не может облечься в слова.

Ты — как будто уставшая грусть,
Что покой расплескала в лазури,
Бушевавшие выстрадав бури,
Пересилив их горестный груз.

Ты лети поскорей, синева,
От поющих просторов на Волге —
В край, где видел я солнце в осколках,
Где зелёная жухнет трава.

Ты носи свой лучистый фиал
В край далёкий, где годы я не был,
Чтобы высылось чистое небо,
Над горами, где я погибал,

Где не сыщешь братишек останки...
И тогда я уйду — спозаранку —
И восстану над красной травой
Улывающей вдаль синевой.

* * *

Поговори со мной, трава!
Скажи мне, где берутся силы?
Меня ведь тоже так косили,
Что отлетала голова.

Скажи подружка, как дела?
Какие ветру снятся дали?
Меня ведь тоже поджигали —
И я, как ты, сгорал дотла.

Откуда силы-то взялись?
Казалось, нет их — только пепел —
Но мы из огненного пекла,
Как птица феникс, поднялись!

Скажи мне нежные слова.
Нас ждут и праздники, и будни.
Я снова молод, весел, буен.
Поговори со мной, трава!

* * *

Боль войны с годами всё неистовей
В памяти кипит, всё горячей...
Помнишь, друг, мы стали альпинистами
Под огнём кинжальным басмачей?

А земля, как встарь, кишела гадами —
И, казалось, нету райских мест...
Но вершины были нам наградами,
И в вершине каждой — Эверест!

Ох, что было! Есть что вспомнить нам с тобой,
И не раз ещё расскажут сны,
Как мы лезли, лезли на стену,
Альпинисты необъявленной войны.

А дороги были просто свалками,
Кладбищами техники и душ,
И подчас неожиданными подарками
Нас встречал мятежный Гиндукуш.

Мы дышали пыли львиной дозой
Под обстрелом солнечных лучей —
И всерьёз шутили над угрозами
Недобитых полчищ басмачей.

* * *

Когда забот неодолимо бремя,
Я словом останавливаю время.
И это слово огненное слышат
Все те, кто любят, чувствуют и дышат.

Но пристаёт ко мне чужое племя:
«Зачем ты останавливаешь время?
Оставь его. Позволь ему идти!
Ну что с того, что вам не по пути?»

«И ты позволь ему не возвращаться,
И без прощенья — вовсе не прощаться!
Ведь что такое в нашей жизни время?
Где вечность — конь, там время — только стремя.

И что за сила властвует над нами —
Не время ль, высекающее пламя?»

О Д И Н   Н А   О Д И Н

Если в трудном учении достиг ты вершин,
То в бою это вовсе не важно:
Ты остался с собою один на один
В час, когда только пулям не страшно!

Жаркий ветер ударит тебя по лицу,
Пыль проникнет за ворот рубахи —
И к тебе, удалцу, молодцу, храбрецу,
Подкрадутся гремучие страхи.

А ещё и не начался первый твой бой —
И такая у каждого участь:
В напряжении сил, в мёртвой схватке с собой
Погасить этих монстров гремучесть!

Нет, не мы в эти горы накликали бед.
Змеи, змеи кругом в год дракона...
Кровью пирровых наших — но славных побед
Перешли мы рубеж Рубикона.

Ну а после, в Союзе, кричи, не кричи —
На обломках дряхлеющей веры
Кто-то скажет нам ласково: «Вы — палачи.
Вы — аллаха земель браконьеры».

Если в жарком сражении достиг ты вершин,
То в миру это вовсе не важно:
Ты остался с собою один на один
В час, когда только пулям не страшно!

* * *

Какая странная страна!
Приют ревущей в муках нови,
Где чья-то старая вина
Искала выход к морю крови...

Какая странная страна
На перекрётках мироздания,
Где начинается страда —
И не кончается страданье!

И в этой странной стороне,
Предвестник озарений ранних,
На красно-огненном коне
Появится творящий странник.

И тени страждущих веков
Свои мечи опустят мудро,
И стаи мирных облаков
На флейтах звёзд сыграют утро.

* * *

С нами — сила истоков,
С нами — небо в глазах,
И не нужно пророков,
Что навязли в зубах,

И не надо усилий,
Чтобы петь и цвести —
Знает только Россия,
Куда ей идти.

НАГРАДЫ

Так случилось со мною — был отдан
Я, израненный, в руки врачей —
И искал меня новенький орден
Двести семьдесят дней и ночей.

Как тебя в этой жизни застал я?
Сердце сдалось, как огненный ком,
Между орденской красной эмалью
И засевающим в лопатке свинцом.

Мы идём грозowymi путями,
Ополчась на невзгоды и смерть,
И наградам, летящим за нами,
Так непросто за нами успеть!

Вот опять предо мной то мгновенье,
В тишине раскатившийся взрыв...
Может быть, награждён уже тем я,
Что остался в аду этом жив?

...Ты идешь по нескучному саду,
Обещанием счастья маня...
Что же ты, дорогая награда,
Догоняешь так долго меня?

ТРЕТЬЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Кто беден, кто богат:
Афганский пройден ад,
Медали всем живым раздали.
А мёртвые с тех пор
Заводят разговор
О третьей стороне медали.

А третья сторона
С Востока не видна,
Сокрыта за резным фасадом.
А третья сторона —
Как тайная вина,
Словно венчанье рая с адом.

Пред вечностью равны,
Уйдём мы в чьи-то сны.
Хочу увидеть в час прощанья
Затмение луны,
Пришествие весны —
И третьей стороны венчанье.

Пророки — не князья,
И всё-таки, друзья,
Какие нас торопят дали?
Опять крошечный ад?
Опять сплошной парад?
Иль третья сторона медали?

* * *

Мы принесли с собой войну
В свои родные переулки,
И наши мирные прогулки
То настороженно, то гулко
Тревожат эхом тишину.
Мы возвратились в старый свет
Ещё в расцвете лучших лет.
В горах остались «бэтээры»,
Но наша огненная вера
Заменит нам бронежилет.

* * *

Я прожигатель смерти. Я кузнец
земного счастья, вскормленного в муках,
где жизнь творится фугою сердец —
и, как молитва, замирает в звуках.

Я создал мир, чтоб жить в нём и творить,
чтобы по солнцу плакало ненастье;
чтобы бесстрашным молотом разбить
златую цепь закованного счастья.

И, обращеньем к вечности богат,
какое небо я оставлю птицам?
Я, прожигатель смерти, жрец утрат
и собиратель жизни — по крупницам?

* * *

Отлучённый от тяжести тела,
Зажигаю гирлянды в ночи.
Что ты шепчешь мне в душу несмело?
Не молчи, милый друг, не молчи!
Дай мне руку во тьме непогоды,
Осени меня мыслью простой,
Чтобы веры распетые своды
Озарились счастливой звездой.

Угасают небесные звуки
В лабиринтах растерянных лет...
Протяни свои зрячие руки,
Чтобы вызрел молитвенный свет
В сердце тёмном. И думой ответной
Унесусь я в твои небеса,
И зажгутся в ночи безрассветной
Голосящие угли — глаза...

* * *

Твердь, что над нами, бодрствует снами,
Плачет лучами высь.
Знает лишь камень, что будет с нами.
Гордое сердце, смирись!

ПАНАЦЕЯ

Я живу, дыханьем пламеня,
Силой духа мыслим и творим.
Есть одна от смерти панацея —
Это жизнь, что отдана другим!

Я мечтаю нежным быть — и нужным,
И, когда сбывается мечта,
Прихожу я в родственные души,
Чтобы в них остаться навсегда.

Встречи с другом пылкое мгновенье —
И тоски развеется туман.
Есть одно лекарство от забвения —
Это жизнь, что просится в роман.

Этот мир — твердыня катаклизмов,
Но, как всадник, что всегда в седле,
Я благоговею перед жизнью,
Как пред высшим благом на земле.

И ещё не раз, благоговея,
Повторю сородникам своим:
Есть одна от смерти панацея.
Это — жизнь, что отдана другим.

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

В дыму сражений промелькнуло лето,
Вот только счастья не было — и нет.
Страницы жизни воина-поэта
В ночи читает воин и поэт.

Душа поэта с небом ищет лада,
Блуждая долго, будто бы во сне,
И Сирано волшебную лампаду
Зажёг однажды бережно во мне.

Любовь и нежность светят нам нечасто —
И только после понимаешь сам,
Что в этом мире невозможно счастье —
Лишь подвиг жизни остаётся нам!

* * *

Я — твой сын, я — твой воин, Россия!
Пусть ты так тяжела на подъём,
Два сокровища, нежность и сила,
Обретаются в сердце твоём.

Пусть безбрежность нам дарит мятежность,
Не свернуть мне с родимой стези:
Два сокровища, сила и нежность —
Беззакатное солнце Руси!

Д О Н О Р

Я кусал воспалённые губы –
Много крови я пролил в бою...
Но совпали и реzus, и группа,
Чью-то кровь побратав и мою.

И, бессонную выдержав муку,
Сокрушив в своём теле врага,
Подав жизни я крепкую руку –
И постиг, как она дорога...

Мне иного не надо призванья –
Правду сердца искать на Руси!
Ты продлись на мгновенье, дыханье,
До людей и до звёзд донеси

Боль, которую сердцем затронул,
Перелил в капилляры строки...
Стихотворец – глашатай и донор,
Если кровью
исходят
стихи.

* * *

У мальчишки украли лицо,
Поменяв на шинель пальтецо.
Отобрали родную страну –
И послали его на войну.
Он не знал, что обманчив уют,
Он не ведал: здесь лица крадут!

И за шторами влажных ресниц
Больно мне от сворованных лиц;
От похищенных солнечных дней,
От растерянных глаз матерей.
И, увы, мне не легче с тех пор
Оттого, что я знаю, кто вор.

* * *

Сквозь меня протекает река,
и плывут сквозь меня облака,
и, поскольку за всех я в ответе,
я беру у вас сердца бразды,
я, стеклянный сосуд для воды,
я, пейзаж, проступивший в портрете.

И плывут сквозь меня до сих пор
гребни снежные кряжистых гор,
и ныряет усатая нерпа –
то в пучину бесслёзной воды,
то, отняв у меня знак беды,
в бездну звёздную синего неба.

В О Д О П А Д

Река, прозрачная вдали,
Крутую выбрала дорогу.
До помутнения довели
Её плотины и пороги.

И вот в ненастный час, когда
Всё в мире стало ей не мило,
Набравшись мужества, вода
Разбиться вдребезги решила.

Она стремительно бежала,
Куда-то вглубь запрятав страх,
От жизни — той, что распластала
Её в жестоких берегах.

Внизу предательски подкрался
На шум воды глубокий ров —
И долгим эхом отзывался
Её предсмертный гул и рёв.

А люди всё твердили в лад:
Какой роскошный водопад!

P.S.

Спустившись вниз, у самой кромки,
Остолбенел я: там, вдали,
Глаза знакомой незнакомки,
Как будто током, обожгли.
Река текла; струились слёзы;
Железный век летел, пыля,
И нёс в себе метаморфозы
И катастрофы бытия.

* * *

Я творил проникновенно
Многомерный, шумный мир,
Где подчас одновременно
Был... и донор, и вампир.

И, как водится, не в дружбу
За подобный компромат
На действительную службу
Был я послан прямо в ад!

И, когда в преддверье ада
Испытанье шло войной,
Прорвалась ко мне Пощада
И вскричала: «Будешь мой!»

Не страшны теперь мытарства,
Злые обжиги огня,
Мне, отдавшему полцарства
За троянского коня,

Что настиг отвоевавших
В неродимой стороне —
И живу я смертью павших
На одной со мной войне...

Что томишь меня, тревога?
Что баюкаешь, печаль?
У поэта и у Бога
Есть одна святая даль.

П Р И Т Ч А О П Р А В Д Е

Среди страшной бури-непогоды,
На просторах огненных полей,
Встретились однажды две свободы,
И одна сказала: «Будь моей!»

Но другая, сразу не размыслив,
Бросила ей гневно: «Никогда!»
Ожиданье в воздухе повисло,
И заполонила мир вражда.

И теперь — ты прав или не прав ты —
Разве после драки разберёшь?
Так случилось: встретились две правды,
И одна другой сказала: «Ложь!»

И доньше всё идёт по кругу:
Всяк стоит до смерти на своём,
Истины смеются друг над другом,
И добро сражается с добром.

С Е С Т Р А   М И Л О С Е Р Д И Я

Нам в горах не судилось пропасть,
Пусть непросто нам было судьбу нести...
Ты была моя первая страсть,
Медсестра моей огненной юности.

Из души изгоняла ты хмарь,
Материнства полна и усердия.
Не случайно тебя мы, как встарь,
Называли сестрой милосердия.

Рану нежно стянули бинты,
Улыбнулись глаза твои синие.
Кто сказал, будто слабая ты?
Ты такая без устали сильная!

Даже пусть мы сторим на пиру,
Не оспорив у Бога бессмертия,
Мы не сироты в этом миру:
Мы – братишки сестёр милосердия!

* * *

Чужого горя не бывает.
Нам сопричастна жизни соль—
И беспрестанно обжигает.
Воруя сердце, чья-то боль.

Как будто нас там не хватает,
Чтоб разлетелось вороньё.
Чужого горя не бывает.
Пусть оно тише, чем своё.

* * *

А тем, кого в горах настигло бремя,
Врачи рекомендуют только время.
Как много их, у бремени в плену,
Они во всём нашли свою вину,
И даже там, где нет прямой вины,
Они в долгу остались у войны.
Там, где упало в души злое семя,
Врачи рекомендуют только время.

Но время не идёт для тех парней,
И жизнь, увы, с годами всё страшней:
Они вину похоронили в ней.

И я без сна бросаюсь на кровать.
Легко ль живых от мёртвых мне спасти?!

* * *

В Ташкенте
товарищу отняли ногу.
Полгода прошло
после той операции —
И вдруг говорит он:
«Сегодня, ей-богу,
Я чувствовал ногу, я чувствовал пальцы!»

Мы смотрим вперёд,
спасаемся в вере —
И в прожитых днях
убывают потери.
Но горечь утраты
вдруг хлынет наружу...
Вот так —
иногда —
ощущаем мы
душу.

М О Л И Т В А

«Ты услышь меня, Господи, Отче наш,
Уповаю на милость Твою»,—
Весь в крови, я стонал на обочине,
Позабытый друзьями в бою.

«Не пристало идти тебе в зрители,
Вспомни только Себя на кресте,
Ведь найдутся за павшего мстители»,—
Возопил я в глухой черноте.

Мне ответило марево грохота,
И тогда, средь огня и песка,
Я возвысил свой голос до шёпота—
И меня услышали века.

* * *

Если трудно кричать—не беда, помолчи,
Я молчанье твоё не нарушу.
Не спасают порой ни друзья, ни врачи:
Только временем можно нам вылечить душу.

Даже наши родные—подчас палачи:
Всё стоят на своём, не желая нас слушать.
Не всегда под рукой даже ангел в ночи.
Только время поможет нам вылечить душу.

* * *

Кровью сердца написан закат,
Боль ушла в лабиринт многоточий,
И зовёт нас в тенистый свой сад
Благодать искупительной ночи.

* * *

В смуглых косяках горящих зданий,
Подожжённых спичками страстей,
Скрипки пели о тщете страданий
Перед неизбежностью. Но чей

Голос из подвалов, из потёмок,
Сгрудившись в комочек, чуть дыша,
Плачет, точно маленький ребёнок?
Ты ли это? Ты, моя душа?

И дома, сгорая, стали хлипкие;
Рушились крылато этажи,
И опять в чаду запели скрипки —
Что-то роковое для души.

И, казалось, это всё — не с нами;
Рассосётся призрак — только тронь!
Точно эти скрипки сами, сами
Разожгли в душе моей огонь.

Словно кто-то в эту же минуту,
В том же самом гиблом, страшном сне
Пил за всех оставшихся цыкуту,
И твердил, что истина — в вине.

* * *

Ну что попишешь, Марк Аврелий, —
Пусть даже встану в полный рост,
Все чары слов и акварелей
Едва ль нарушат поступь звёзд.

И вспышки солнца и отваги
Сожмут в тисках мою шагрень;
Проснётся сонный лист бумаги —
И будет ночь, и будет день.

Но не дадут мне согнуть крылья,
И я судьбу благодарю
За то, что даже и в бессилье
На равных с веком говорю.

Хвала мгновеньям сумасшедшим,
Ведь на миру и жизнь красна!
Я всем друзьям, к отцам ушедшим,
Назначил встречу — в царстве сна.

* * *

Командирские замыслы,
Не скупясь на призы,
Уводили нас в заросли
Виноградной лозы,

Где от солнца палящего
Не спасёт полумрак —
И не выверит зрящего
Самый пристальный шаг.

Лазуритовы залежи —
Где-то в этих краях,
И стоишь, будто заживо
Замурован в ветвях.

И известий о ратниках
Не доставят гонцы:
Вот в таких виноградниках
Пропадали бойцы.

* * *

Сжимаю не трость с набалдашником,
Не палицу меряю взглядом —
Купец молодецкий Калашников
Стал верным моим автоматом.

Скольжу ли по скалам рискованным,
Брожу ли по дебрям аула —
В зрачки тишины нашпигованной
Глядит воронёное дуло.

И в чёртовой пляске коричневой,
Где ветер клубит и бушует,
По богом забытой опрочнине
Душа неизбывно тоскует.

* * *

Никто не создан для войны—
и даже доблести сыны,
вернувшись в мир и тишину,
клянут отчаянно войну:
для них война—не звёздный час,
и всё не спишешь на приказ...

Так почему же нас с тобой
туда так тянет, друг родной?
Как будто сокровенный рай,
опять зовёт афганский край!
И мы вернулись бы туда,
где не горит ничья звезда.

* * *

музыка зарождалась из духа трагедии
и была она вестью
и весть была вещью в себе
и эту вещь в себе
нельзя было передать другому
но музыка не умирала
у другого человека другая музыка
тоже рождалась из духа трагедии
по мере преодоления ступеней судьбы
и судьба была роком
и рок был рэпом
и рэп был криком
и крик был молчанием
и молчание было золотом
и ангелы были его старателями
и крупницы молчания
тщательно промывались ангелами
поэтому вода под ситом
снова засорялась речью
и речь опять не знала
стать ли ей музыкой
или же угаснуть обетом
раствориться в абсолютной немоте

* * *

Жизнь моя, ты мне даришь минуты,
Превращённые в радость труда.
Это много. Но я почему-то
Возвращаюсь всё время туда,

Где у бедного сердца — нагрузки,
Где сраженьё — не кинофрагмент,
Где нежданно в родном моём русском
Появился афганский акцент.

* * *

Собираю Бога из богатств,
Кладезей души, безумств дороги;
Не боясь невольных святотатств,
Прямо в сердце — собираю Бога.

Собираю Бога из потерь,
Совпадений смыслов, слов и чисел,
Чтоб открыть таинственную дверь,
Где судьба свой обронила бисер.

Собираю Бога из тоски
По чему-то высшему, чем знание.
Пальцам, обжигающим горшки,
Время собирать настало камни.

Собираю Бога из любви,
Согревая странствия свои.

Только не могу поверить я
В то, что Он — мозаика моя.

* * *

А впереди — безвестности громада,
Где так пьянит свободный непокой;
И жизнь течёт — сама себе награда,
И волны вечности о берег бьются мой...

Там суть скалою высится отвесной,
Но ты войдёшь — как путник, не спеша —
Туда, где в сердце манною небесной
Сквозь сито снов просеяна душа.

И там в свеченье перейдёт мерцанье:
Когда душа покинет ветхий дом,
Кирпичик духа ляжет в Мирозданье,
И Бог построит храм — в Себе Самом.

ЗАЗЕРКАЛЬНЫЙ КАРП

Зеркальный карп за лопастью весла,
Прозрачность вод прыжком одним ломая,
Я не всегда свой жребий понимаю —
Безумства тайн скрывают зеркала.

Как странники, чья жизнь всегда в пути,
Мой третий глаз, открывшийся на диво,
Они хранят в живых своих архивах
Пророчества о том, что впереди.

И часто, проплывая в глубине,
Когда покой бывает вдруг нарушен,
Я чувствую, как пульс мой перегружен
Молчаньем лиц, оставшихся во мне.

Но лишь наскучат мира миражи,
Осточертеют воды, как каналы,
Молитвой сердца, фибрами души
Зеркальный Карп уходит в Зазеркалье.

Всё в зеркале, чем рыбы дорожат,
Всё в зеркале, что ищем мы глазами, —
И только невидимкою душа —
Там, за чертою, там, за зеркалами.

* * *

Безоглядно бреду по лесу я.
Что несу я в себе, вы спросите.
Только шаткое равновесие,
Пограничник зимы и осени.

Я студент затянувшейся сессии –
Той, что даст просветление якобы.
Испуганное равновесие,
Винтовая лестница Якоба.

Что же там, вдалеке, за взорами?
Там вершины, там бездна, глыбы там.
И тебя я маню озёрами,
Пленной плавая пенной рыбиной.

* * *

Саламандры не горят в огне...
Ты поведай, друг мой Саня-Сандро,
Как в прошедшей жизни на войне
Стал ты человеком-саламандрой!

И, минуя сети Сатаны,
Вышел ты из пламени нетленный,
На базаре гибельной войны
Обменяв огонь на хлеб Вселенной.

Саламандры не горят в огне...
Вот уже не мальчики, но мужи —
Кто огнём крещён был на войне,
В мире согревает наши души!

Ведь характер, как алмаз, граня,
И вопрос поставив: «или — или?»,
Волхованья грозного огня
Закалили нас в своём горниле!

Ты поверь: страданию вопреки,
Надо жить — в достатке было боли!
В чутких твоих линиях руки —
Крепкая опора женской доли.

* * *

Нелегко перейти поле брани,
Длятся годы хвала и хула —
Лишь сухие поленья желаний
В одночасье сгорают дотла.

Я смотрю, как сгорают поленья,
Точно нищий, золу вороша.
О горенье стихи и моления
Шепчет ветру сухая душа.

Ах, поленья, сухие поленья,
На себе я не вижу лица, —
Я желаний страшусь исполненья:
Исполненье — начало конца.

Устремившись объять всё на свете,
Как легко мы сжигаем мосты!
И резвимся, как малые дети,
Испугавшись своей высоты.

* * *

Я так мало принёс тишины
В эту светлую, сизую рань,
Что моё возвращенье с войны
Испугало в горшочке герань.

Там, за речкой, в дыму и огне,
Я так много пространствовал лет,
Что лишь птицы в ночной вышине
Мне пропели негромкий привет.

Пусть война унесла красоту
И бесстрастность лица моего
Те, кто рано познал высоту,
Видят брата во мне своего.

Ц Е Р К О В Н Ы Й С Ю Ж Е Т

Приходят о гибели вести,
И в памяти их не стереть.
И хочется братством, всем вместе,
В обитель уйти — и скорбеть
О тех, кто погиб за рекою, —
Но мы возвращаемся в мир,
Где дьявол кровавой рукою
Наш доблестный путь обагрил.

И, пусть леденеет дорога,
Но, всё же нас, брат, не сломать!
И будем мы зрячего Бога
В своих сновиденьях искать.
И будем, подчас ненароком,
Друзей собирать за столом —
Всех тех, кто в Афгане далёком
Прошёл очищенье огнём.

* * *

Русская земля! Родимая земля!
Дай мне силы встать!
Обними меня листвою,
Исцели меня травой,
Дай мне жизнь одну,
Дай мне смерть одну,
Дай мне тишину...

* * *

Ты, время, исцели свой бег.
Привороши свой горький пепел,
И там, где был один лишь плевел,
Однажды явится побег.

И, накренившись к алым звёздам,
Всесильной волею ствола,
В самодержавном даре роста
Сквозь наши прорастет тела.

П Л Я С К А   Х О Р О Ш О
Т Е М П Е Р И Р О В А Н Н О Й   С М Е Р Т И

непочтительность страны
снедавшая наши израненные души
умалчиванием
граничащим с забвением
казалась мне бесовским глумлением
над себе подобными
несущими тяжесть тьмы
впрочем огонь
предполагает воду и медные трубы
о этот славный русский обычай
канонизировать мучеников посмертно
в воздухе покачнулась тень
невидимого спонсора
и тут меня осенило
что некто замысливший
сей кровавый фарс
верховенствует и поныне
дни затмения
продолжались белыми стихами ночей
в которых тактика выживания
колебалась между криком и молчанием
между отчаяньем и криком

П Е Р Е Л Ё Т Н Ы Е   Л И С Т Ь Я

Целый год я у мамы не был —
Только письма под сердцем храню.
Листья звонко падают с неба
И ложатся плашмя на броню.

Ветр-«афганец» ворчит и злится,
Маскирует загар лица.
И откуда тут взяться листьям —
За версту не сыскать деревца!

Листья трутся доверчиво оземь —
И теряюсь в догадках я.
А в России — давно уже осень.
Не оттуда ли вы друзья?

Вот и солнце зашло за Кабулом.
Может, маму увижу во сне...
И откуда тут взяться пулям —
В этой чуткой, как нерв, тишине?

СОЛНЦЕ МИРА

Плачем мы, иль грустим, иль смеёмся —
Мы творим свой непознанный миф,
И какое-то тайное солнце
Освещает наш внутренний мир.

Это солнце дороже нам злата;
В нём — премудрость причастия, но
Лишь однажды, в немой час заката,
Имя солнца услышать дано.

И, когда нам спасения нету,
В неурочный и облачный час,
То не солнце лишается света —
То затмение ширится в нас.

Переменятся лица в дороге,
Оскудеет печаль на челе —
Только нежности, маме и Богу
Нет замены в сердцах на земле.

Что за странная участь поэта —
Петь любовь, об утратах скорбя.
Боже мой, я не вынесу света,
Что восходит ко мне от Тебя!

М А М Е

На крутой, беспощадной войне
И привал — долгожданная милость.
Почему же так хочется мне,
Чтобы ты мне сегодня приснилась?

Ты приснись мне — с весной на лице,
Долгой жизни безоблачной ранью,
Молодую невестой, в венце,
В час, когда не страшны расставанья!

Я увижу тебя среди снов,
Обниму — и не хватит дыханья:
Ныне, присно, во веки веков
Я — твой смысл и твоё оправданье.

Разгорается зарево дня.
Поднимается яростный ветер.
Сколько лет проживёшь ты на свете,
Если пуля догонит меня?

* * *

Бог-ребёнок плачет над миром:
Где теперь его мир-колобок?
Мир ушёл. Даже имя сменил он!
Вот и плачет растроченный Бог.

* * *

Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Фёдор Тютчев

светлой памяти матери моей,
Ольги Яковлевны

Догорает пожарище дня,
Снова прошлое рвётся наружу.
Мама, милая, слышишь меня?
Ты дала мне бесстрашную душу!

Сколько лет с потаённой мольбой
Я твой облик в душе своей нежил!
Если б я был рождён не тобой,
Может быть, я так страстно бы не жил.

Я сиротства в душе не таю:
От печали есть верное средство —
И твой облик, и душу твою
Напрямик передать — по наследству.

И, судьбы натянув тетиву,
Упований отца не нарушив,
Скажет дочка моя: «Я живу —
Папа дал мне бесстрашную душу!»

П Л А Ч П О М А Т Е Р И

Ой да что ж ты наделала, мамочка!
Как не дрогнула Бога рука?
Неприветною чёрною рамочкой
Окаймила свой лик на века.

Ой да что ж ты наделала, мамочка?
Уронила свои зеркала.
В ритмах сердца вдруг вышла помарочка —
И так рано тебя унесла!

И вулкана любви извержение
Остановит ли мук жернова?
Сострадания и утешения —
Всё слова, всё пустые слова.

А внизу кто-то тренькает гаммочки —
И в сумятице буйных миров
Светлой памятью папы и мамочки
Слышу эхо афганских боёв.

Это в годы застойно-трясинные,
Нагло скрывшие шабаш свинца,
Кто-то поле подсунул мне минное,
Подорвав моих близких сердца.

Тот огонь им накликал агонию —
И туннелем закончился свет.
Жизнь прекрасна на крыльях гармонии —
Только в смерти гармонии нет!

...

Нам немногие чары отпущены,
И могущество считанных нот.
Даже стих гениальнее Пушкина
Мне живую тебя не вернёт!

Так берите же клад свой, старатели,
Отворяйте небесный свой храм!
Драгоценная жизнь моей матери
Нынче — пища бессмертным стихам.

А за крестик святой, за иконочку
Ты меня, дорогая, прости:
За тобой моё сердце вдогоночку
Не сорвётся из клетки груди...

Ой да что ж ты наделала, мамочка...

* * *

Ты просто живёшь — и приходит твой час.
Себя не кори и не мучай:
Ведь с равною долей участвуют в нас
И опыт, и гений, и случай.

* * *

Элле Крыловой

Кроны веток упрямо
Шелестят за спиной.
Только нет моей мамы
На тропинке со мной.
Всё на месте — и камень,
И ларёк, и витраж.
Только нет моей мамы —
И неполон пейзаж.

Чья-то тёмная тайна
Маму вдаль увела.
Словно вышла случайно —
И домой не пришла.
Шла усталой походкой —
Мне ли это не знать?
Можно старую фоткой
Бытие доказать.

Эта женщина — Боже! —
Я глядел из окна —
Так на маму похожа,
Будто это — она!
Горизонты сужая,
Всё стоит на краю...
Это мама чужая!
Возвратите мою!

...О великий, могучий!
Помоги, просвети!
Я пройду через тучи,
Чтобы маму найти.
Как ребёнок, рыдаю,
Запыхавшись, стою:
«Это мама — чужая!
Возвратите мою!»

* * *

Миллионами чёрных бабочек
не вычерпать ночи,
и поэтому мчит виночерпий-поэт
в бесконечную страну звёзд-многоточий,
где миллионы белых бабочек
рождают
рассвет.

* * *

Тебя уже нет, а твои подарки
Даже не успели износиться,
И мне порой бывает страшно прикоснуться
Ко всем этим плащам, ботинкам, сорочкам,
Последним пережиткам
Лишь во мне продолжающего жить
прошлого,
Безвозвратно ушедшего,
Но – бесконечно дорогого.
Увы, вещи порой живут дольше, чем люди,
И только воспоминания детства
Подчас образуют с предметами
Некий паритет долговечности.
Когда ты извлекла меня из своего чрева,
Нас стало двое. Теперь тебя позвали
обратно,
В лоно земли, и я остался один,
Ещё не до конца понимая,
Что же мне делать с твоей душой,
Так странно переселившейся в меня.
Возможно, я открыл новую религию,
Уверовав в бесконечность
Чередования коротких и длинных
рокировок,
Когда шахматный король
Может позволить себе пренебречь
Заблаговременным снаряжением
Небесной ладьи к отплытию в вечность.
Милая, бедная мама...

С БОГОМ В ДВОЁМ

Я вернулся живой!
Здравствуй, дом мой родной!
Как же долго я ждал возвращения!
Но, вернувшись назад,
Без вины виноват,
Вдруг я понял, что нет мне прощенья!

Полон дикой тоской
И стыдясь, что живой,
Шёл я к маме погибшего друга,
И, печаль хороня,
Провожала меня
В путь далёкий голодная выюга.

Уж не чуял я ног;
До костей я продрог
Посреди леденеющей стыни,
И, клянусь, видит Бог,
Я хотел, но не мог
Заменить ей погибшего сына.

Мне сдаётся порой,
Будто кто-то другой
За меня говорит мою повесть,
И когда, как струна,
В сердце взвоят вина —
Просыпается высшая совесть.

Мы бывшее храним,
Нам так пусто одним,
Всюду сердцу мерещатся драмы.
Бесприютен был дом —
Только с Богом вдвоём
Сыну было светло и без мамы.

* * *

Всё пустое забвеньем рассеется,
Как в анналах тому суждено.
Только трудно нам справиться с сердцем.
Жизнь одна лишь. И сердце — одно!

П Р Е Р В А Н Н Ы Й   Р Е К В И Е М

«Послушайте! Ещё меня любите
За то, что я умру...».
Марина Цветаева

Мы теряем любимых. Но сколь бы
Ни безмерна утрата была,
Нам дано отвлекаться от скорби
На весёлые наши дела.

Возвращаются радость и гордость,
Осыпается траур с лица —
Лишь полынная терпкая горечь,
Не спеша, покидает сердца.

Нам в ушедших нельзя воплотиться,
Возвратить им угаснувший свет —
И минута молчания длится
В тех, кто вынул счастливый билет.

Высока за познание плата,
И на жребий нам трудно пенять.
Мне сегодня непросто, ребята.
Мне ещё предстоит умирать.

* * *

Когда судьбу уносит ветер,
Вся жизнь спрессована в момент
И нет пристанища на свете,
Желанна смерть, как хэппи-энд.

* * *

Быть или не быть – вопрос или заклинание?
Нести свой крест – или срывать цветы?
Когда ты выбираешь надеянье –
Царь мира нерастрченного ты!

* * *

Ты храни меня, Бог, от поспешности
Скороспелых порывов души;
Ты храни меня, Бог, от безгрешности,
От цветов нераскаянной лжи;
От кристаллов замшелого инея,
Притупившего пламя сердец,
От шпионящей свиты уныния,
Окружившей мой снежный дворец;

От угарного запаха тления,
От лица, превратившего роль,
От упавшего в вечность мгновения,
Растрепавшего трепет и боль;
Ты храни меня, Бог, от обочины,
И, серебряным ветром гоня,
Если зреет в душе червоточина,
Ты храни меня, Бог, — от меня!

Ты храни меня, Бог, от безумия;
От грызущего душу стыда;
Чтоб клочущей лавой Везувия
Память сердца не сжёг без следа;
И тогда — в передрыгах непрошенных,
В лабиринтах гудящих дорог,
Я душой обниму Тебя, Боже мой, —
Что хранил Ты меня — и сберёг!

* * *

Схлынет в душе пустота,
Сгинет голодная выюга.
Мы – перекрестье креста.
Мы – продолженье друг друга.

Мир обоймёт теплота,
Миг – и не выйти из круга.
Мы – перекрестье креста,
Мы – продолженье друг друга.

Что же двоих единит
В трудной, блаженной юдоли?
Мыслей проявленный ритм
В предвосхищении боли.

С Т А Р А Я   К Н И Г А

Страницу повести мятежной
Открою нежным колыханьем —
И тёмный дух владельцев прежних
С моим смешается дыханьем.

И карандашные пометки
Зажгут во мне глухую ревность:
Как любопытны были предки,
Как искромётна наша древность!

И вдруг почувствую на миг я,
Что к сердцу ластится тревога;
Что сам я, сам я — только книга
В руках у Бога.

Всяк бриллиант хорош в оправе.
Не потому ль в ночном полёте
Душа мечтает не о славе —
О самом нежном переплёте?

Х О Ч У   Б Ы Т Ь   П О Н Я Т Ы М

Две легковушки среди дня неловко встретились —
И вот гаишники меня зовут в свидетели.
Но вновь шепчу я всем святым, мольбами тронутым:
Я не хочу быть понятым — хочу быть понятым!

Нам все пороки сходят с рук и добродетели,
И часто в жизни, что вокруг, мы — лишь свидетели.
И предаёмся мы пустым, нелепым опытам.
Я не хочу быть понятым — хочу быть понятым!

И уготованы порой смешные роли нам,
И непонятно, кто — герой, и где — нам родина.
Где был я сильным, молодым — пасутся пони там.
Я не хочу быть понятым — хочу быть понятым!

Колблет ветер перемен миров треножники,
И вот опять попал я в плен — в судьбы заложники.
Но свет любви развеет дым над горем пролитым —
И я не буду понятым, я стану понятым!

Р А В Н А Я

«Пошли мне, Господь, второго».
Андрей Вознесенский

Тайною мира раненный,
В сердце пряду мечты.
Господи, дай мне равную —
Если всемогущ Ты!

Ту, что сыскать непросто мне,
Одолевая тьму.
Брошенным в море островом
Зябко жить одному!

Пусть на картину женщина,
Ляжет, как светотень.
И, красотой очерчена,
Ночь превратит мне в день;

Ласковая и славная,
Света в очах не счесть.
Боже, пошли мне равную, —
Если такая есть.

Боже, пошли мне нежную,
Словно Твоя рука;
Чистую — или грешную,
Лишь бы была тонка

Станом, умом и тайною —
Мыслями о былом.
Боже, пошли мне равную
В мой опустелый дом.

Вновь не везёт мне с крыльями,
И тяготит предел.
Но красоту открыл бы я,
С женщиной — полетел!

С неба осыпан манною,
Тихо шепчу в веках:
«Боже, пошли мне равную:
Таинство — добрый знак».

Л Е Т И Ц И Я   Л Е Т Е Л А

Душа, как скрипка, пела
На синем вираже.
Летиция летела,
И не было предела
Раскованной душе.

Вдруг солдат расстегнул амуницию:
— Посмотрите, летает Летиция!

Оглянулась, проехав, полиция:
— Посмотрите, летает Летиция!

И такая была в этом грация,
Что пространство вдруг впало в прострацию!

Вдохновенной, влюблённую птицею
Над судьбою парила Летиция.

...Душа, как скрипка, пела
На синем вираже.
Летиция летела,
Летиция летела —
И не было предела
Распахнутой душе.

* * *

Господь оставил мир — и мир сошёл с ума,
Теряясь в толкованиях предвзятых.
Никто не виноват, что вновь пришла зима.
Лишь люди вечно ищут виноватых...

* * *

Спицею Вселенная продета,
И чудес в душе моей не счесть.
Вестник ослепительней поэта:
Дольше слова длится эта весть.

В Е Р Н О С Т Ь

А в сражении—зри ты в оба.
Осмотрителен будь, старина.
Заждалась тебя Пенелопа
У простуженного окна.

Пусть дела наших рук достойны,
И лик Бога в них отражён,
Проверяют на прочность войны
Без присмотра оставленных жён.

Неулыбчиво с ними время,
Дом оставив их сторожить.
Им обещано только бремя:
Ткать, надеяться, ждать и жить.

И, пусть ел ты пудами соль—век,
И лишал войну фитилей,
Может, ждёт тебя дома Сольвейг
У оборванных бурей дверей.

Эта верность не нарочита,
Эта вечность не так длинна.
Ты дождёшься ль меня, Кончита,
У распахнутого окна?

* * *

Тебя увидеть я не чаю
В ночной тиши, в степной глуши,
Но даже солнышко встречает
Меня теплом твоей души.

И даже в логове бандитов,
Во мраке гор, в палящий зной,
Твой облик юной Нефертити
Встаёт, желанный, предо мной.

Я с ним ложусь под свист снарядов
И блеск прожектора луны —
И верю я, что счастье — рядом,
Есть лишь любовь, и нет войны.

Нам счастье часто недоступно,
Как к солнцу жаркому полёт,
А ты со мною неотступно —
И дни, и ночи напролёт.

* * *

Каждый смертный — в душе кочевник,
А под небом пернатым века
Так отчаянно и плачевно
Кучевые плывут облака,

Облокачиваясь на деревья
И воруя голубизну.
Только город не дремлет древний,
Улиц выпрямив кривизну.

На аллеях бульваров, гонимых
Кавалькадой огней в темноту,
Я прошу, не судите любимых!
Отпустите им неправоту!

И, быть может, вам ангелы ссудят
Теплоту наложением рук.
Ведь друзей и любимых не судят!
С ними делят — и душу, и дух.

* * *

Стремится сердце сбыться на века,
Рекой судьбы во времени продлиться.
Любовь не знает имени, пока
Разлука не очертит ей границы.

Пока дыханье не раздвинет рай
До теплоты, до правды, до предела,
Непросто нам увидеть этот край,
Где ангелам даны душа и тело.

Но, перейдя незримый Рубикон,
Вдруг сознаёшь как истину простую,
Как много у глубинного имён,
Которые не поминают всеу.

* * *

Нас повенчали купола,
Под ними мы с тобой гуляли,
И в этом не было печали,
А лишь благая весть была.

И мы не ведали пока
Единственной из вечных формул,
Когда искали облака
Свои немислимые формы.

Когда выдаивал рассвет
По капле из сосцов Короны,
Когда приземистые кроны
Чертили тенью твой портрет.

Да, чудеса на свете есть!
И купола нас повенчали,
И в этом не было печали,
А лишь была благая весть.

* * *

«До нашей эры деревья шагали врозь»

Лада Миллер

Не сетую слёзно, не рвусь из жил,
Храним оберегом веры.
Подумаю только: ну как я жил
До нашей с тобою эры?!

И пусть так немного там сбылось,
Мне памятны годы эти:
Там так же сияло, цвело, рвалось.
Рождались стихи и дети.

На ветках небесных зацвёл инжир,
И радуга — на пленэре.
С тобой — забываю, как я жил
До нашей воздушной эры.

* * *

Хорошо быть мужчиной,
И в беде роковой
Вознестись над кручиной,
Подшутив над бедой.

И зажечься — лучиной,
И кручину забыть.
Хорошо быть мужчиной.
Только надо им быть!

Ф И Л О С О Ф С К А Я   М А С К А

Я мечтал, что раскроются ставни —
И теплом распахнётся мой дом.
Кто бы мог хоть однажды представить,
Что вернуть я сюда — чужаком?

Я мечтал встретить лица людские,
А вернулся — кругом ни души...
Дорогая моя ты Россия,
Как пустынны твои миражи!

И, пронзённый, не чаял вздохнуть я,
Обрести долгожданный покой.
В медных трубах глухого безлюдья
Я навеки прощался с собой.

И, устав от хронической встряски,
Как спасение, дёрнул кольцо...
И легла философская маска
На когда-то живое
Лицо.

* * *

Я байки не травлю, и не кичусь я спесью:
Судьбою заслонив расщелину времён,
Я на плечи взвалил всё мира равновесье —
И оттого порой бываю побеждён.

П А Р А Д П Л А Н Е Т

Свеча горела наугад
В сосредоточенном пространстве;
Планеты
выстроились в ряд,
Провозглашая время странствий.

Я помнил приговор врача,
Но знал уже, что смерти нету,
Пока ещё горит свеча
И все твои друзья — планеты!

Свеча горела наугад —
И кто-то больно обжигался;
Я в зеркалах ловил свой взгляд —
И больше с ним не расставался.

Мы слыли зрячими у масс,
Задором жили и стремленьем —
Но те, кто ненавидел нас,
Нас звали падшим поколеньем.

И всё же, кем ни величай,
Пусть наши кони поостыли,
Покуда гости пили чай,
Мы всё же были, были, были...

* * *

Во свод неприкасаемый
Души уходит зодчество.
Рождать и быть рождаемым —
Не в этом ль тайна творчества?

* * *

«Здесь когда-то было море»—
Повествуют надписи в Эфесе.
Только постепенно в вечном споре
Победили города и веси.

Б Е Л О Е   Д А О

То не солнце нещадно палит —
И течёт сквозь судьбу не вода — о! —
Над растерянным миром парит
Бесконечное белое дао.

Кто ты, дао? Не даст нам ответ
И заоблачный гений Ландау.
И бесстрастно глядит нам вослед
Безмятежное белое дао.

Кто ты, дао? Чужой третий глаз?
Послепепельный сон Кракатау?
Ничего не попросит у нас
Бескорыстное белое дао.

Высоко забираясь в зенит,
Отправляя живущих в нокдаун,
Все народы в себе растворит
Бессердечное белое дао.

Растворяюсь и я в белизне,
Весь растроченный жизнью беспечной,
Чтобы плыть в голубой вышине
Белым дао любви бесконечной.

* * *

В тихом мерцаньи планет,
В царство людей нисходя,
Ангел меняет свой цвет,
Чтобы не выдать себя.

Чтобы безусая чернь
Не потешалась над ним,
От вороватых очей
Прячет он крылья и нимб.

Только лишь мысли полёт
Ангела в нём выдаёт.

* * *

Вилли Мельникову

Спрятать в себе несказанный свой свет—
Странно и дико.
Мы среди звёзд оставляем свой след,
Дети индиго.

Не иссякает в бессмертных вер
Сердца тревога.
Слышим мы дивную музыку сфер.
Космос Ван Гога.

Вечные пленники лунных зеркал,
Блудные дети.
Логос ловил меня, но не поймал.
Призрачны сети...

Среди ползущей, растерянной тьмы
Отзвуком ветра
Жизнь прорастает, и тянемся мы
В глуби и недра.

* * *

Пока мы читаем книжки
И нас обступает рок,
У гениев нет передышки,
Им паузы – невдомёк.
Обидно им за державу,
Иль просто горит строка,
Берёт перо Окуджава –
И странствует за облака.

Мы знаем не понаслышке:
Живому положен предел.
Как гению дать передышку,
Чтоб в творчестве не сторел?
Чтоб вдруг не хватил он лишку,
Бессрочный поймав удел..
Как Господу дать передышку,
Чтоб гения не проглядел?

Сверкают на Солнце вспышки,
Протуберанцев пары.
У гениев нет передышки,
За ними – всегда обрыв.
У гениев есть минута –
Та, что равна векам.
И жалко лишь почему-то
Сорвавшихся к облакам.

* * *

Ещё ты сам себя не перерос.
Ещё, быть может, время не настало,
И пламенеет в кончиках волос
Страдание, которое устало.

Его ты робко стряхиваешь с плеч,
Чтобы руками пепла не касаться;
Оно устало властвовать и жечь,
И болью в гордом сердце отзываться.

Оно шептало странные стихи,
Они смиряло смех и укоризны, —
Игралище безудержных стихий,
Убежище великой тайны жизни.

Задумался усталый пилигрим:
Ведь груз утрат не сбросишь в одночасье!
Но... что-то лёгкое уже летит за ним:
Отдохновенье? Или просто счастье?

* * *

Там, где молнии лихие
Спят у ночи на краю,
Разношёрстные стихии
Спор ведут за жизнь мою.

Где в иглу судьбы продета
Богом сотканная нить,
Спорят шорохи и ветры,
Быть мне — или мне не быть.

П Е Р Е В Ё Р Н У Т Ы Й   К О С М О С

Проснувшись в тиши спозаранку,
Я космос надел наизнанку.
И тотчас из комнаты вышел,
Внезапными звёздами вышит.

Таинственным высвечен знаком,
Себя обволок Зодиаком*.
И космос свернулся в клубочек
Из маленьких трепетных точек.

Я ложкой помешивал чайной—
И всё это вышло случайно.
Кренились столетья откосно,
И жёг перевёрнутый космос.

Почуял на темечке ранку.
«Я космос надел наизнанку!»
Как больно... но вижу я выше,
Бездонными звёздами вышит.

---

* «Себя обволок Зодиаком» — фраза
принадлежит Андрею Белому.

ЛУННЫЕ КОНИ

Мечет лучи из пращи ножевые
Пламя Короны.
Мчат вдоль обрыва, будто живые,
Лунные кони.
Шаг — и, быть может, друг через друга
Свалятся в шахту.
Лунные кони, дети испуга,
Мчат по ландшафту.

Лёжа на ложе, грусть свою множа,
Совесьть тревожу.
Может, я тоже — в снежной пороше —
Лунная лошадь.
В лунном томленьи я — лишь виденье,
Узник порыва.
Тело пронзает боль наслажденья —
Мчат вдоль обрыва.

Э Л Е К Т Р И Ч Е С К И Й   С К А Т

Электрический скат в глубине
Плавно машет крылами, как птица;
Редко ищет моллюсков на дне —
И не хочет чуть-чуть порезвиться.

Но обманчива вялость его:
Кто заденет его ненароком,
Оскорбит в сокровенном — того
Обдаёт он неласковым током.

Я был ранен на минной войне —
И в течении жизни покатою
Ещё долго мне плыть в глубине
Молчаливым пустынным скатом.

Оттого и желанья смутны,
И мерещится запах тротила.
Я ещё не вернулся с войны.
Погасите дневное светило.

П О Л О В О Д Ь Е

Как страшно время половодья!
Забродят воды, как вино,
И плодородные уголья,
Мой Китеж-град, уйдут на дно.

С какой безбрежною тоскою
Стать морем речка норовит! —
И, до краёв полна собою,
Сама не знает, что творит...

Так, отпустив души поводья,
Бездонно, властно, как испуг,
Страстей безумных половодье
Испеняет всё вокруг.

Как будто речка впала в детство,
И жалко ей расстаться с ним...
А мне досталась по соседству
Судьба стать берегом твоим.

К И Т Е Ж

Когда на мель садится пароход,
И метеор срывается с орбиты,
Седые церкви русской Атлантиды
Всплывают зряче на поверхность вод.

И потонувший колокол звучит.
И, водные равнины рассекая,
Врачует души речь его святая
Литого звука медленный магнит.

И звук идёт как будто из глубин,
Из залитого солнцем поднебесья.
Где раньше были города и веси,
В живых остался колокол один.

По ком звонит он в сизой тишине,
Надмирной клятвой облака смыкая?
И сила в нём заключена такая,
Что не заснуть и не сгореть в огне.

Остановить не в силах человек
Бездонную стремительность потока.
Так истина, сокрытая до срока,
В пещерах духа коротает век.

Так колокол, весом и нарочит,
Окрестность оглашает без помехи...
И, как орган, язык его звучит,
И дольше звука отвечает эхо.

* * *

Господь забирает лучших...
И это всё неспроста:
Он — самый заправский лучник,
Он сто выбивает из ста!

И, смысл отделив от звука,
Он шепчет волхвам слова:
Бессмертье — стрельба из лука,
Где промысел — тетива.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Мудрость часто мы берём у древних,
Жизнь передаём из рода в род.
Люди так похожи на деревья,
Листопад – протяжный крестный ход.

В лес зайду – всё вышито крестами
В стыломGAME гаснущего дня;
Рыжий клён, как Божьими перстами,
Осеньет листьями меня.

И, прохладу дум слотнув гортанью,
Бормоча какой-то древний стих,
Я учусь у листьев умиранью.
Воскрешенью я учусь у них.

ПОСЛЕДНИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД

Печальный философский пароход
Вдаль отплывал по воле негодяев.
Иван Ильин и Николай Бердяев,
Учёный и профессорский народ.

Холодным нетерпеньем сентября
Он по волнам скользил из Петрограда.
Чужбина – вот философу награда,
Вот любомудру алая заря.

И чайки в небе синем на беду
Чертили чутко огненные знаки
И провожали мысливших «инако»
В иную, чужеродную среду.

И мы грустим, заслышав позывные,
Секундных стрелок невозвратный бег.
Как бесприютен в мире человек!
Как быстротечны радости земные!

Припомнится иная подвенечность,
Иная незапамятность придёт,
И всех живых отправит морем в вечность
Последний философский пароход.

Т Е А Т Р   Н А О Б О Р О Т

В.И. Гафту

Лампадка тихо догорает –
А там, за росчерком пера,
Лишь редкий смертный понимает:
Вся наша жизнь – увы, игра...

И правдолюбца, и позёра –
Всех созывает жизни пир.
И только имя Режиссёра
Забыл оставить нам Шекспир.

И все мы – павшие, живые,
Жизнь отыграв как вещей сон,
Залижем раны ножевые –
И гордо выйдем на поклон.

И зрячи будем мы, и зорки,
Бессмертным гениям под стать,
И стаи ангелов с галёрки,
Встав, станут нам рукоплескать...

И мысль придёт – как неотложка,
Как неопознанный секрет –
Что мы сгорали... понарошку,
А смерти – и в помине нет!

Мы сможем смысл придать дорогам,
Познаем подлинность, и боль,
И счастье, что дана нам Богом
Своя, а не чужая роль.

...Лампадка плоти догорает,
И душу ждёт небесный плот,
И лишь Всевышний твёрдо знает,
Что жизнь – Театр Наоборот.

Я З Ы К   В Ы Б И Р А Е Т   П О Э Т А

Пока ещё песня не спета,
Слова и мотив не пришли,
Язык выбирает поэт
По калькам небес и земли.
Дитя неподкупного света,
Язык выбирает поэт.

Листочек из вечности выдран —
Но образ поэта был выбран.
Теперь он рифмует на чистом...
А в небе, цветном и лучистом,
Летит в бесконечность планета.
Язык выбирает поэт.

* * *

Не всякому речи поэта слышны,
Но, сын абсолютного слуха,
Он слышит прозрачную речь тишины,
Он эхо событий и ухо.

Я И Г Р А Ю Н А Н Е В Е Р О Я Л Е

В затаённом сумеречном зале
Я играю на неверояте.
Только звёзды выдвинутся вдаль —
Зазвучит в тиши невероят!

Тихим светом заслонив полмира,
Вспыхнет небо Внутренней Пальмиры.
И потребность создавать миры —
Дух всепонимающей игры.

Я играю на неверояте...
О таком слышали вы едва ли!
Замолкает на Неве рояль —
И звучит в душе невероят.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ветер ран	3
«Вчера не умирает никогда...»	4
Стихи об орденской книжке	6
«Мы на земле людей живём бессрочно...»	8
«Кольцо утрат сжимается всё туже...»	9
Доблесть	10
Машина времени	11
Первый бой	12
Ночь в Кабуле	13
В горах Афганистана	14
БТР	15
«Мы служили в горах не за страх...»	17
«Помнишь ночь под Гератом, мой, друг?..»	18
Колыбельная для бойца	19
Пограничная колонна	20
«Были битвы за хлеб...»	21
«Красный конь по стремнине пройдёт...»	22
«Я служу на далёкой границе...»	23
У костра	24
Сны	25
Облачный фронт	26
Снежный человек	27
Ночлег в горах	28
«У перевала, что ведёт к Гардезу...»	29
Напрасный ангел лет войны	30
«Если я не вернусь...»	31
«Инфантильные баловни века...»	32
Домой с войны	33
Прощание	34
Прощание с Незнакомкой	35
Ангел смерти	37
Баллада о живой и мёртвой воде	38
«Мне шептала боль: молчи...»	39
«Нам Господь раздаёт лишь посильные ноши...»	40
«Я к фляге жадно припадал...»	41
Поэт и хирург	42
Второе рождение	43
«Вот и все. Мучусь, корчусь от боли...»	44
В больнице	45
«С сочувствием подумаешь о теле...»	46

Фуга для не собранных осколков автопортрета	47
«Что случилось той осенью, помните...»	48
Солнце в осколках	49
«Поговори со мной, трава...»	50
«Боль войны с годами всё неистовой...»	51
«Когда забот невыносимо время...»	52
Один на один	53
«Какая странная страна...»	54
«С нами — сила истоков...»	55
Награды	56
Третья сторона медали	57
«Мы принесли с собой войну...»	58
«Я прожигатель смерти. Я кузнец...»	59
«Отлучённый от тяжести тела...»	60
«Твердь, что над нами, бодрствует снами...»	61
Панацея	62
Сирано де Бержерак	63
«Я — твой сын, я — твой воин, Россия...»	64
Донор	65
«У мальчишки украли лицо...»	66
«Сквозь меня протекает река...»	67
Водопад	68
«Я творил проникновенно...»	69
Притча о правде	70
Сестра милосердия	71
«Чужого горя не бывает...»	72
«А тем, кого в горах настигло время...»	73
«В Ташкенте товарищу отняли ногу...»	74
Молитва	75
«Если трудно кричать — не беда, помолчи...»	76
«Кровью сердца написан закат...»	77
«В смуглых косяках горящих зданий...»	78
«Ну что попишешь, Марк Аврелий...»	79
«Командирские замыслы...»	80
«Сжимаю не трость с набалдашником...»	81
«Никто не создан для войны...»	82
«музыка зарождалась из духа трагедии...»	83
«Жизнь моя, ты мне дарись минуты...»	84
«Собираю Бога из богатств...»	85
«А впереди — безвестности громада...»	86
Зазеркальный Карп	87
«Безоглядно бреду по лесу я...»	88

«Саламандры не горят в огне...»	89
«Нелегко перейти поле брани...»	90
«Я так мало принёс тишины...»	91
Церковный сюжет	92
«Русская земля! Родимая земля...»	93
«Ты, время, исцели свой бег...»	94
Пляска хорошо темперированной смерти	95
Перелётные листья	96
Солнце Мира	97
Маме	98
«Бог-ребёнок плачет над миром...»	99
«Догорает пожарище дня...»	100
Плач по матери	101
«Ты просто живёшь — и приходит твой час...»	103
«Кроны веток упрямо...»	104
«Миллионами чёрных бабочек...»	105
«Тебя уже нет, а твои подарки...»	106
С Богом вдвоём	107
«Всё пустое забвеньем рассеется...»	108
Прерванный реквием	109
«Когда судьбу уносит ветер...»	110
«Быть или не быть — вопрос иль заклинанье...»	111
«Ты храни меня, Бог, от поспешности...»	112
«Схлынет в душе пустота...»	113
Старая книга	114
Хочу быть понятым	115
Равная	116
Летиция летела	118
«Господь оставил мир — и мир сошёл с ума...»	119
«Спицею Вселенная продета...»	120
Верность	121
«Тебя увидеть я не чаю...»	122
«Каждый смертный — в душе кочевник...»	123
«Стремится сердце сбиться на века...»	124
«Нас повенчали купола...»	125
«Не сегою слёзно, не рвусь из жил...»	126
«Хорошо быть мужчиной...»	127
Философская маска	128
«Я байки не травлю, и не кичусь я спесью...»	129
Парад планет	130
«Во свод неприкасаемый...»	131
«Здесь когда-то было море...»	132

Белое дао	133
«В тихом мерцании планет...»	134
«Спрятать в себе несказанный свой свет...»	135
«Пока мы читаем книжки...»	136
«Ещё ты сам себя не перерос...»	137
«Там, где молнии лихие...»	138
Перевернутый космос	139
Лунные кони	140
Электрический скат	141
Половодье	142
Китеж	143
«Господь забирает лучших...»	144
Крестный ход	145
Последний философский пароход	146
Театр Наоборот	147
Язык выбирает поэта	148
«Не всякому речи поэта слышны...»	149
Я играю на неверояте	150

Александр Карпенко ВЕТЕР РАН

Дизайн и вёрстка: Дмитрий Макаровский

Художник обложки: Елена Краснощекова

Печать цифровая. Тираж 200 экз. Объем 9,5 печ. л. Заказ №